

Чжоу Жун туго перетянул бинт на левом бедре. Та огромная рана, больше ладони, которую он заработал, когда, спасаясь от зомби-орды и не найдя иного выхода, прыгнул на дерево и напоролся на сук, уже перестала кровоточить. На грязном, пожелтевшем бинте остались лишь темные, запекшиеся следы крови. Выглядело это пугающе, но, к счастью, движению почти не мешало.

С громкоговорителем в руке Чжоу Жун спрыгнул с черепичной крыши, игнорируя подступающих со всех сторон зомби, и, перемахнув с ветки на улицу, уже собрался было снова заорать во все горло, как вдруг замер на полпути.

— Вдалеке, на углу улицы, стоял какой-то человек спиной к нему и заходил в магазин скобяных изделий, одного за другим приканчивая зомби, что выползли на звук.

На человеке была толстовка с капюшоном, фигура — невероятно мощная. Чжоу Жун прикинул: наверное, этот тип будет выше него чуть ли не на полголовы. И при таком росте, под стать баскетболисту, у него еще и мускулатура была как у профессионального боксера. Даже на расстоянии от него веяло такой силой, будто по равнине движется целая скала.

Неужели тут еще есть живые?

Чжоу Жун на мгновение задумался, не стал выдавать себя и бесшумно двинулся следом.

.

— ...Ах...!

Ромюэль перевернулся, навалившись на Сы Сяонаня сверху:

— Цзянь!

Альфа-женщина вихрем влетело в комнату, прижала одну ногу Сы Сяонаня, всем телом навалилась на него, зафиксировав его на полу, а левую руку пристегнула наручником к ножке кровати. Вся серия движений была отточена до автоматизма — казалось, за последние сутки она повторяла их уже множество раз.

Сы Сяонань плотно сдвинул брови, изо всех сил пытаясь свернуться калачиком, и издал полный муки рык. Ромюэль жестом показал Цзянь, этой Альфе-женщине, чтобы та вышла, после чего сам уселся верхом на Сяонаня, подавляя все его попытки вырваться, и, сжав его подбородок, заорал:

— Ноа! Смотри на меня!

Сы Сяонань будто не слышал.

— Ноа!

Ромюэль, прильнув к его уху, снова и снова выкрикивал приказ. Голос был такой силы, что и мертвого бы разбудил. Лишь спустя несколько минут нечеловеческие, хриплые всхлипы Сы Сяонаня постепенно стихли, и он, словно в тумане, открыл глаза.

— Смотри на меня! — рявкнул Ромюэль.

— ...

— Что ты вспомнил? — Ромюэль заставил себя смотреть в его налитые кровью глаза, отчеканивая каждое слово:

— Как ты на базе «Белый орел» связался с военными Страны С? Где ультимативное антители? Говори!

Сы Сяонань пошевелил губами. Но он не ел и не пил уже больше десяти часов, непрекращающийся интенсивный допрос вымотал его донельзя, и издать хоть какой-то внятный звук было почти невозможно.

Ромюэль развел в воде кленовый сироп, получив стакан сладкого питья, вернулся и, опустившись на одно колено рядом с ним, властно приказал:

— Пей.

Сы Сяонань отвернулся.

— Пей!

Ответа не последовало.

— И это тоже — как шоколад? — холодно спросил Ромюэль, наконец отступив.

Сы Сяонань, не обращая на него никакого внимания, просто закрыл глаза.

Эта глухая, словно каменная стена, тишина и отказ завели Ромюэля в тупик. Он с силой швырнул стакан с сиропом на пол, стеклянные осколки разлетелись во все стороны.

В убогой каморке на миг воцарилась тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в щелях окна да тяжелым, с трудом сдерживаемым дыханием Ромюэля.

Гнетущее противостояние длилось еще несколько долгих минут.

— ...Ладно, признаю. — Голос Ромюэля зазвучал снова, но, вопреки ожиданиям, в нем не было ярости; последние слова прозвучали даже с какой-то сдержанной рассудительностью. — Хорошо, я признаю. С шоколадом я был неправ.

— За всю свою жизнь Ромюэль произносил слова «я был неправ» считанные разы — вряд ли даже его родной отец слышал их больше двух раз.

Но Сы Сяонань остался безучастен.

— Мне не стоило, когда ты был в крайней степени истощения, в качестве наказания заставлять тебя самого включать электрошокер, используя шоколад как приманку.

— Но ты знаешь, — Ромюэль сделал паузу, а затем снова жестко продолжил:

— Наказание за укус зомби во время тренировочной симуляции — это обычная практика. Мы оба через это прошли, как обученные бойцы. Хотя интенсивность, которую ты получал, действительно выше, чем у любого в Отряде «Белый орел», и ты считаешь использование еды в качестве приманки унижением...

Сы Сяонань не реагировал.

— Ты вообще меня слушаешь?

— ...

Ромюэль глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки:

— Твое ребяческое упрямство бессмысленно, Ноа. Представь, что ты сейчас умираешь с голоду, а перед тобой только плитка шоколада. Не съешь — умрешь. Стал бы ты тогда продолжать настаивать на своей жалкой, смехотворной принципиальности?

Но случилось то, чего он никак не ожидал: Сы Сяонань открыл глаза, повернул голову назад и, улыбнувшись, сказал:

— Нет, не стал бы.

— Три коротких слова прозвучали так хрипло и искаженно, что их почти нельзя было разобрать, но легкий изгиб губ был настоящим — Ромюэль даже опешил от изумления.

— Я давно уже начал есть шоколад, — сказал Сы Сяонань, и в его улыбке сквозила неприкрытая злоба. — Мне дали его пару дней назад. Съел целую большую плитку.

Ромюэль совершенно не знал, что на это ответить, и просто застыл на месте.

Сы Сняонань, сидя на полу, снова положил голову на край кровати, словно эти две фразы отняли у него последние силы.

Ромюэль всегда знал, что в истинном характере Ноа есть крайне резкие и труднообъяснимые стороны. Если попытаться сравнить его с нормальным человеком, то в некоторых вопросах он был сущим ребенком — причем особенно инфантильным и злопамятным.

Он ненавидел других, но ненавидел и себя.

Когда голод становился невыносимым, он, испытывая острую потребность в шоколаде — том самом стимуле, — был готов принять условия Ромюэля, сам нажать на кнопку электрошокера и вынести двойную пытку: физическую боль и моральное унижение.

Но после этого у него развивалось посттравматическое расхлебывание, и он полностью отказывался от шоколада, а при одной мысли о нем начинал испытывать рвотный рефлекс.

Ромюэль наблюдал: его рвота, как и при некоторых формах анорексии, поначалу была спровоцирована желанием наказать себя, вызванным чувством омерзения к самому себе. Но вскоре она переросла в самую настоящую психосоматическую реакцию, и в какой-то момент он уже совершенно не мог прикасаться ни к чему, что имело вкус шоколада.

— Упрямство, самоконтроль, загнанность в угол. Стоило ему что-то решить, как он начинал бесконечно укреплять это в своем сознании, пока оно не впечатывалось в мозг и не становилось частью его натуры, частью поведенческого инстинкта.

Такие черты обычно не меняются.

Ромюэль и думать не мог, что у его так называемого брата однажды появится способность перешагнуть через собственную убежденность — если, конечно, он сейчас не солгал.

Где-то глубоко внутри Ромюэля что-то дрогнуло. Казалось, он хочет попробовать что-то

сделать, но слова застревают в горле.

Спустя мгновение он издал какой-то странный, многозначительный кашель, расстегнул молнию на своей пуховой куртке, обнажив уголок шарфа, запрятанный внутри:

— ...Ноа.

— Посмотри сюда, Ноа. — Он взял Сы Сяонаня за подбородок, заставляя его взглянуть на себя, но на этот раз нажим был нарочито мягким. — Помнишь?

Это был самый обычный шарф из темно-серого кашемира, без рисунка, тонкий и от долгого употребления уже обтрепавшийся по краям. Вообще-то он совсем не сочетался с образом успешного человека из высшего общества, каким Ромюэль всегда выглядел.

Сы Сяонань покосился на него.

— В тот год, когда умерла моя мать, я прилетел из Нью-Йорка в Лос-Анджелес на ее похороны. Ты тоже там был, — медленно начал Ромюэль. — После церемонии я ушел один в лес, начался дождь. И тут ты подошел и отдал мне этот шарф...

— «Тебе не холодно так стоять?» — спросил ты меня тогда. А я в ответ отшвырнул шарф и приказал тебе убираться, грубо выругавшись. Ты больше ничего не сказал, посмотрел на меня какое-то время, развернулся и ушел из леса.

Много лет спустя Ромюэль все еще мог отчетливо воспроизвести в памяти все детали той сцены: бледное лицо его младшего брата в черном пальто, мокрые от мелкого дождя ресницы, и плавную дугу, которую описал край его одежды в воздухе, когда он молча повернулся и ушел.

Тот случай врезался в память потому, что это был первый раз, когда Ноа проявил к нему такую необычайную мягкость, первым пойдя на разговор.

Впрочем, это был и последний раз, поэтому у Ромюэля больше не было возможности проверить догадку, к которой он возвращался в мыслях бесчисленное количество раз: если бы он тогда ответил совершенно по-другому, изменилось бы многое?

— На следующий день, уезжая из Лос-Анджелеса, я вернулся в тот лес, подобрал твой шарф и с тех пор храню его.

<http://bllate.org/book/18107/1738942>